Игорь МОЖЕЙКО (Кир БУЛЫЧЕВ), писатель-фантаст: (198) 12.03.03.

Булычев Кир

Сегодня ордена дают скупее, чем прежде

Игорь МОЖЕЙКО — человек известный и весьма уважаемый. Он заседает в Комиссии по государственным наградам при президенте России, работает в Институте востоковедения, имеет степень доктора исторических наук. Но гораздо более известен он как писатель-фантаст Кир Булычев. Даже тот, кто не прочел ни одной его книжки, непременно смотрел хотя бы один фильм (или мультфильм), снятый по его сценарию.

— Игорь Всеволодович... Звучит вполне по-древнерусски. Родители были историками?

— Все проще. В начале 30-х девочек не называли Дашечками, мальчиков — Ванечками. В моде были Олеги и Игори. А когда родился мой отец — Святославы и Всеволоды. Сейчас мода на псевдонародные имена. Думают: назовем сына Пафнутием — и народ его полюбит.

— Что за мальчик был такой, Игорь Можейко?

— Абсолютно нормальный арбатский ребенок. Рос в коммунальной квартире, а точнее — во дворе. Все как положено.

— Все было как у Агнии Барто: «Драмкружок, кружок по фото, хоркружок — мне петь охота»?

— Ходил в планетарий. Пытался стать художником. Больше всего хотел быть палеонтологом, поступить в геологоразведочный институт.

Бирма зовет

— А откуда тогда взялся переводчик? Да еще и востоковед?

— Я не выносил языков, был к ним абсолютно неспособен. Но в 10-м классе к нам пришел секретарь райкома и сказал: товарищ Сталин объявил набор комсомольцев на специальный факультет, который готовит разведчиков. Переводческий факультет иняза шпионов, конечно, готовил, но потенциальных. Пять мальчиков из нашего класса туда пошли, и я с ними за компанию. У двоих были еврейские фамилии, их не взяли. Остальные, в том числе я, прошли. А через год после этого решили, что заграница нам не нужна. Был закрыт Военный институт иностранных языков, МГИМО, Восточный институт. Нас стали готовить просто в учителя английского.

— А восточный был какой?

— Никакой. Еще был чешский. Когда я закончил институт, переводчики вдруг стали нужны. Всех с нашего курса, кто был женат, отправили в Бирму. Я там два года отработал на строительстве — переводчиком и завхозом. Потом понял, что больше не хочу, хотя Бирму я продолжаю любить и сегодня, это моя молодость. К сожалению, я давно от нее оторвался. Много лет там правит военная хунта, сначала полковники, теперь толстые генералы. Премьер-министр снова под домашним арестом. Что там будет завтра, я не знаю. Мне бы нужно туда съездить, у меня в плане книга, но войти в этот дом — значит, показать, что я с ними согласен. А я не согласен.

— Так это после Бирмы вы заболели Востоком?

— Ничего подобного. Просто там были аспиранты из Восточного института, и у меня возникла мысль об аспирантуре. Приехал в Москву — и поступил. С тех пор всю жизнь сижу в одной комнате.

Когда б вы знали, из какого сора...

— А книжки писать когда начали?

— Я еще в школе был редактором стенгазеты, выпускал свой журнал. Но все это больше имело отношение к журналистике, чем к писательству.

— Может, ваше писательство возникло из отцовства? Рассказывая сказки своей дочке, решили: почему бы им не стать книжкой?

— Это легенда, которую обычно придумывают задним числом. Ведь это совершенно очаровательный образ — папочки, который рассказывает сказки на ночь своим детишкам. На каком-то этапе я должен был начать писать. И начал. Прямо с детских историй про Алису.

— Когда мама принесла «Девочку с Земли», эта книга стала у нас дома «фольклорообразующей», как до нее романы Ильфа и Петрова. На обложке девочка прыгала с зонтиком из звездолета прямо на кратеры. После нее вы проснулись знаменитым?

— Обложку делал замечательный художник Евгений Мигунов. Он потом иллюстрировал все мои книжки. А известным, не скажу знаменитым, я стал много лет спустя, после мультфильма «Тайна третьей планеты». Почти тогда же появился фильм Ричарда Викторова «Через тернии к звездам» по моему сценарию, чуть позже — «Гостья из будущего» Павла Арсенова. Вот эти три фильма и сделали мою фамилию популярной.

— Не фамилию, а псевдоним. Зачем вы, кстати, его взяли?

— Из чувства самосохранения. Научно-популярные книжки я писал под своей фамилией, но даже к этому в институте относились не очень хорошо. А тут фантастика. Я как себе это представил... Взял имя жены, добавил фамилию мамы — и псевдоним готов. Но вообще-то у меня, как и у всех, кто работал в журнале «Вокруг света», было много псевдонимов, в том числе и очень смешных.

— Какую фантастику вы тогда считали хорошей?

— Многое зависело от случая. У соседа в чулане лежал комплект журнала «Вокруг света» за 20-е годы с романами Александра Беляева. Вдруг попался Грин. Мама доставала книжки библиотеки Красного Креста с романами Буссенара и Жаколио — тогда это были запретные писатели. В 1945 году мне подарили книгу Ивана Ефремова. С конца 50-х я стал поклонником Стругацких. Позже появились иностранные фантасты. Я стал их переводить — надо было зарабатывать на жизнь.

— И кого перевели?

— Тех, кто был мне ближе. Саймака, Шекли. Никогда не любил Азимова, Кларка. Они мыслители, а мне всегда были интереснее художники. Кроме того, есть великие писатели, а есть писатели для души, которые могут быть и второстепенными, и совсем не знаменитыми, но твоими. Мои писатели — Чапек, Паустовский, Грин и почти забытый сегодня Мстиславский. Он был крупным деятелем партии эсеров, принимал отречение Николая II, потом стал популярным в 20–30-е годы писателем, написал первый русский фантастический колониальный роман. У нас дома большая библиотека довоенной фантастики, начиная с самого начала века. Я сейчас пишу историю советской фантастики до 1941 года — «Падчерица эпохи». Тогда будущее было известно только партии, а фантастика предлагала альтернативу. Это сообразили где-то в 1930 году. Примерно до 1936–1937 года фантастики в СССР вообще не существовало, были закрыты все журналы. Перед войной она возродилась как развлечение для молодых инженеров: как изобрести новый дирижабль или победить фашистов.

Борец с Алисой

— Вы пришли в отечественную фантастику в значительно более благополучные времена. Кем себя в ней ощущаете?

— Фантастика включает в себя все множество существующих жанров. Я все время переползаю из одного в другой. И это плохо. Разбрасываясь, я нигде не могу достичь того, чего хотел. Например, пишу всякие детские истории, в основном про девочку Алису. Но книге с десятой—пятнадцатой начинаешь использовать готовые кирпичики...

— И где же выход?

— Как умный человек... Хотя... Вы, наверное, замечали: школьные друзья очень радуются нашим удачам. А институтские, профессиональные успехов обычно не прощают. Один из них как-то сказал: «Игорек, ты у нас талантливый, но не умный». Потом я себя стал утешать тем, что он умный, но не талантливый. А я, как красивая женщина, стал стараться быть умным. Попытался бороться с Алисой. Написал уже целых две книжки без нее, с другими героями. Но издатели отнеслись к этому очень холодно и все время просят: вставь Алису, тебе жалко, что ли. Вот-вот должна выйти книга, где Алиса есть, историко-приключенческий роман.

— Вы наступили на горло писателю-фантасту?

— Да нет, там тоже есть путешествия во времени. Еще один «уход» от Алисы — это мои гуслярские истории. Правда, мой Гусляр изменился. Меня обвиняют, что я стал не таким добрым, как раньше. А я и раньше был не особенно добрым — у меня не было такой необходимости.

Не сжигал партбилета, потому что не имел его

— Что вы имеете в виду?

— Я всю жизнь проработал в академическом институте. Там была своя поликлиника, все остальное. И мне никогда не было нужно членство в Союзе писателей. Даже в доме том (имеется в виду знаменитый ЦДЛ. — *«Известия»*) никогда не был — мне неприятна организация писателей как отряда. Не вступал и в партию — у меня была Академия наук.

— Вы жили в обществе — и были от него свободны?

— Относительно. Будучи человеком небаррикадным, ходил в институт, получал зарплату и писал научные работы. Но я мог себе позволить не участвовать в идеологической составляющей государства. Тогда это меня выделяло, сегодня — нет. Меня смущало: умные, интеллигентные люди больше всего на свете боялись исключения из Союза писателей. Так зачем ты туда залез? Получил меховую шапку — и еще претензии предъявляешь. Шли на общее собрание по осуждению Пастернака, а потом, как о великом своем мужестве, рассказывали, что в момент голосования вышли в коридор покурить. Но они же все равно там были — кому-то нужна была новая квартира, у кого-то мог положительно решиться вопрос о поездке за границу.

Нет оснований для пессимизма

— Что сегодня для вас в фантастике интересного?

— Сколько себя помню, все говорили: наступит свобода, появится масса новых журналов, выйдет множество новых, интересных книг.

— Так оно все и вышло...

— Так, да не совсем так. Предугадать будущее невозможно!

— И это говорит писатель-фантаст?

— Думать, что фантаст имеет какие-то особые отношения с будущим — наивно. Никто не смог предугадать, что, как только откроются ворота, в них ринется американская массовая культура. И наш благородный читатель, воспитанный на Достоевском и Чехове, пошел читать милорда глупого. Но время шло, и на поле фантастики появились новые люди. Среди них не все литераторы, в нашем деле действуют несколько иные законы. Сам я один из последних мастодонтов, а сегодня правят бал те, кому около 30. Их сотни, но с десяток знаковых имен: Миша Успенский, Сергей Лукьяненко, Евгений Лукин, Елена Хаецкая, Сергей и Марина Дьяченко, Макс Фрай, Ник Перумов...

— Есть о чем поговорить.

— И есть что почитать. Нет никаких оснований для пессимизма.

Гарри Поттер, Таня Гроттер...

— А что вы думаете о повальной поттеромании?

— Вы можете подумать, что я кокетничаю, но я и одной книги не дочитал, было скучно. Как профессиональный чтец я знаю, что достаточно одной-двух страниц, чтобы понять: стоит дочитывать или нет. Я профессиональный переводчик с английского, а жена моя Кира переводит детскую литературу. Английская детская фантастика — это Милн, Кэрролл. Там и сегодня много интересного. Не хочу сказать ничего плохого про Роулинг, это великолепно раскрученные книжки.

— То есть ее нам просто, грубо говоря, впарили?

— И еще как. Вот что можно сделать в начале XX! века со средним вполне явлением. А фильмы, особенно второй — еще хуже! Дети этого не замечают, потому так легко возникнуть уродцу типа Тани Гроттер.

Приятные воспоминания

— А как вы относитесь к экранизациям собственных произведений?

— Когда были, старался не вмешиваться: если фильм получится, вазы или что там еще будет получать режиссер. Если же не получится или мне не понравится, я не имею морального права говорить об этом, потому что принимал в нем участие. Фильма, который бы мне принес абсолютное счастье, не было. Но воспоминания скорее приятные.

— Вы, конечно, знаете о существовании сайтов поклонников фильма и лично Наташи Гусевой?

— Еще бы! А сейчас в парке на Речном вокзале, недалеко от пруда, есть рябиновая аллея Наташи Гусевой. Ребятам, которые ее сделали, уже по 30, но они все еще фанатеют. Там поставили гигантский камень, весом в две тонны, а в него врезали ее портрет.

— Еще есть сайт с ошибками фильма «Гостья из будущего».

— То же самое делали после фильма «Через тернии к звездам». Эти «коллекционеры» не понимают, что ошибки бывают от бедности или от спешки. Когда снимали «Гостью из будущего», под Сочи построили колоссальные декорации космозоопарка. Приехали снимать — и пошел ливень, который лил две недели и размыл все декорации. Потом, уже в Москве, сняли козочку, бегающую по Сокольникам.

— Слово «коллекционеры» вы произнесли, не я. Поговорим о фалеристике — правильно я назвала?

— Абсолютно правильно, если вы имеете в виду то, что связано с нагрудными знаками и с наградами.

Ребенок рождается мальчиком — и коллекционером

— Когда это у вас началось?

— Люди делятся на мужчин и женщин, на коллекционеров и неколлекционеров. Ребенок рождается мальчиком — и коллекционером. Он собирает марки, монеты, телефонные карточки...

— ... спичечные этикетки, значки, открытки и так далее. Но почему только мальчики? Все известные мне девочки тоже непременно что-нибудь коллекционировали.

— Они собирают значительно реже. А взрослая женщина-коллекционер — явление почти патологическое. В ее реальном мире не до того.

— А мужчина — это недоигравший в детстве мальчик?

— Женщина думает о пустяках: где достать деньги, как воспитать детей, обустроить квартиру, а мужчина — о важных вещах: победит ли «Манчестер Юнайтед», будет ли война с Ираком. Если я завтра помру, от меня останется не Алиса, а фалеристика. Я в соавторстве с Галей Мельник из Исторического музея написал книгу «Должностные знаки Российской империи». Теперь должен издать книгу о польских знаках. Фалеристика — это область, в которой я действительно авторитет. В бирманистике я слабый ученый, у меня было слишком мало практики. Американец или англичанин ехал в Бирму для полевых исследований, это и есть востоковедение: жить в стране, знать язык, понимать людей.

— Что происходит в вашем собирательстве сегодня?

— Сегодня я собираю вяло. Кураж пропал. Систематизирую. Большая неисследованная область — должностные знаки. Они отражают социальную структуру русского общества: каждый человек при исполнении должности должен был носить соответствующий должностной знак. Мировой судья, носильщик, дворник.

— Каковы временные рамки вашей коллекции?

— С послепетровских времен и до революции 1917 года. Среди них есть прелюбопытные. Например, петербургский знак на цепи «Смотритель городского буяна». Буяном называлась речная пристань. Отсюда пошло слово буянить: пьяные речные матросы дрались на пристани, то есть буянили. Есть знак «Старший дворник Исаакиевской площади».

— А воинские головные уборы — тоже часть коллекции? Лермонтов писал: «Кто кивер чистил, весь избитый». Вон то — это кивер?

— Кивер. Но это не коллекция. Просто нравятся.

Надо жить здесь и сейчас

— Если бы у вас был миелофон, как бы вы его использовали?

— Я сейчас пишу повесть из гуслярского цикла. Там есть вещество, которое на час делает человека невидимым. Изобретатель дал его знакомым, а они должны были решить, на что использовать этот час. Пока удалось придумать только для троих. Не знаю, что для человека главнее: любопытство, месть или, например, возможность украсть свое же собственное письмо у давно брошенной тобой возлюбленной. То же с миелофоном, который, кстати, у меня есть — читатели-изобретатели подарили. Поэтому я готов подслушивать ваши мысли.

— Если бы у вас появилась возможность выбрать время для жизни, куда бы вы направили машину времени?

— Я давно пишу свою главную книгу — «Река Хронос». Не знаю, успею ли дописать. Герои — молодые люди, практически ровесники XX века, получают возможность путешествовать во времени. Первый том заканчивается 1915 годом. Идет Первая мировая война. Их любовь рушится, они решают перенестись в 1917 год: к тому времени война, по их расчетам, кончится, и все будет хорошо. Из 1917-го они бегут в 1920-й, затем в 1937-й, в 1941-й. У каждого тома прямая половинка и альтернативная: как было, как могло быть. Герои остаются молодыми. Они пытаются найти свое время, но не могут. А мне, если задуматься, сказочно повезло: я стал взрослым, когда закончилась война и жизнь как-то стабилизировалась. Возможно, если бы я родился на тридцать лет позже, то был бы счастливее. Но я не знаю, что будет через 15 лет. Может, будет настолько хуже, что лучше, право, жить сегодня.

Что за комиссия, создатель?

— Что это за комиссия по наградам, членом которой вы являетесь?

— Когда в 1991 году возникло новое государство, понадобилась новая символика. Были созданы одновременно Государственная комиссия по наградам и Геральдический совет. Я вхожу и туда, и туда. Вот уже более 10 лет комиссию возглавляет Нина Алексеевна Сивова, хирург из Каргополя, депутат первого российского парламента. А пригласил меня в комиссию ее предшественник, прочитав мою книгу о наградах.

— Чем руководствовалась комиссия, приступая к работе?

— Мы хотели вернуться в общеевропейскую, классическую систему наград. А то в советское время можно было получить 8, 10 орденов Красного Знамени. Или стать трижды Героем Советского Союза. Трижды смелый человек — бессмыслица какая-то. А награждение орденами газет! Ведь это примерно то же самое, что наградить корову.

— Что произошло со старыми советскими наградами?

— Некоторые из них, напрямую связанные с символикой СССР, были отменены. Боевые награды остались. Вместо «Знака Почета» появился орден Почета, вместо ордена Дружбы народов — орден Дружбы.

— Расскажите, пожалуйста, о новых орденах.

— Самой первой наградой новой России была медаль «Защитнику демократии». Их всего полторы тысячи на всю страну. Мы возродили орден Святого Георгия. Пока им не награждали, он вручается в случае обороны от внешнего врага. Появился новый орден «За заслуги перед Отечеством» четырех степеней. Предполагалось, что надо получить медали, потом орден четвертой степени и так далее. Ничего не получилось: телефонное право существует, как и 20 лет назад. Но мы боремся, и сегодня ордена даются скупее, чем в советские времена.

— Говорят, люди обижаются на четвертую степень...

— Бывает. Но эта награда — аналог французского «Ордена Почетного легиона». К 200-летию Пушкина мы придумали медаль для работников культуры. Это весьма почетная и редкая награда. Недавно учрежден орден Андрея Первозванного, которым награждено всего 5 или 6 человек. Такой орден есть и у православной церкви. Солженицын в дни юбилея отказался от государственного — и получил церковный.

— Сколько человек в комиссии?

— Человек десять. Уважаемые люди, представители общественности. Мы не получаем зарплату, собираемся на заседания раз в две недели.

— Не манкируете?

— Да что вы! Нам очень интересно друг с другом.

Самые близкие читатели

— Расскажите, пожалуйста, о своих близких.

— Внука назвали проблемным именем Тимофей. Ему 12 лет. Пока о нем нельзя сказать ничего особенного. Кроме того, что он мальчик из интеллигентной семьи.

— А кто его родители?

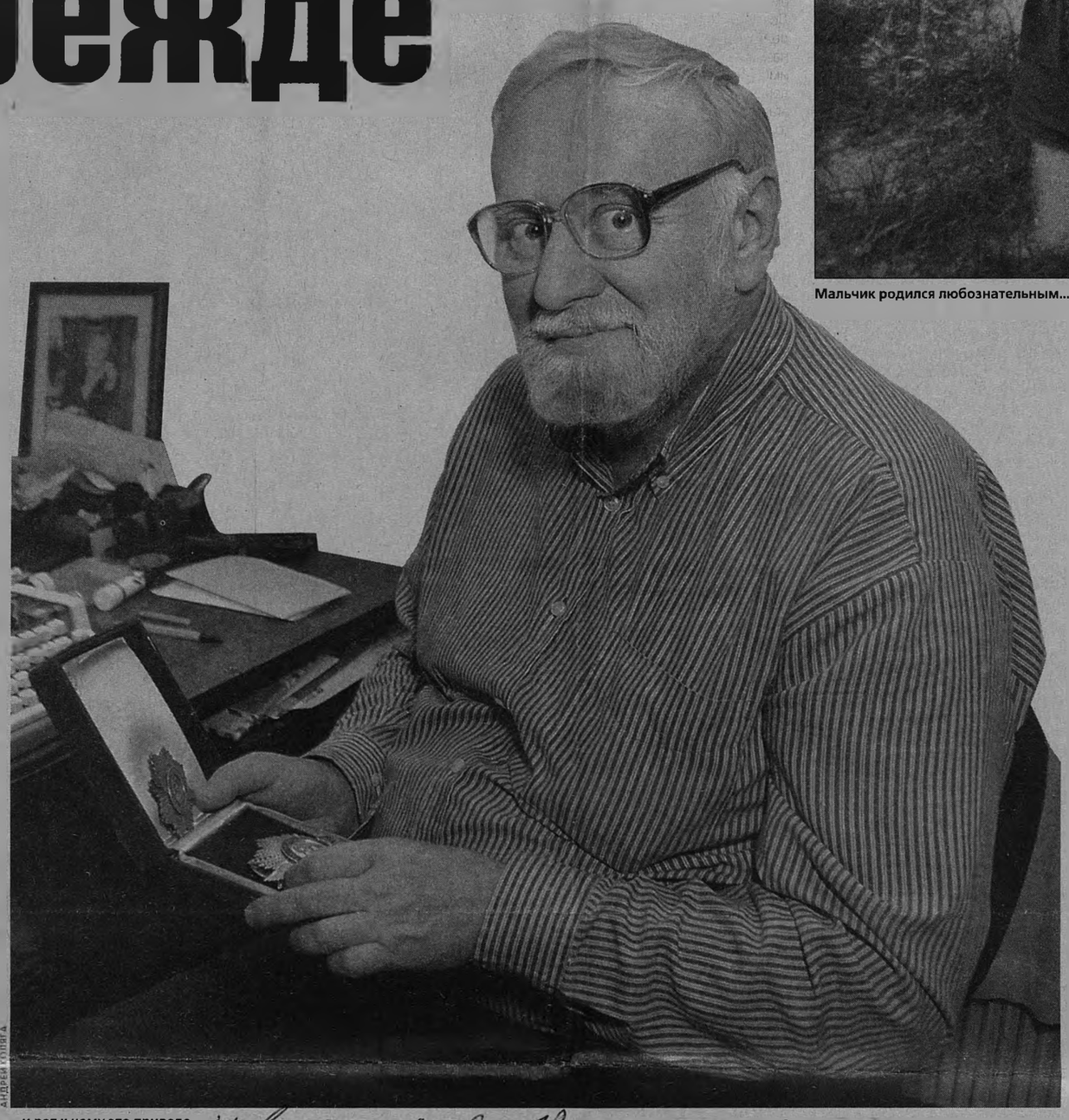
— Моя дочь Алиса и ее муж Коля — трудоголики. Носятся с утра до позднего вечера. Они архитекторы. Коля — лауреат Государственной премии, у него своя мастерская. Алиса с ним училась, а сейчас они вместе работают. Так любят свою работу, что даже приятно. Жена заканчивала архитектурный институт в антиархитектурные хрущевские времена... Но Алису тем не менее отправила учиться именно туда.

— Семья читает ваши книжки?

— Ко мне относятся лояльно. Держат в числе своих писателей. Хотя внук, наверное, предпочел бы, чтобы там была не Алиса, а мальчик.

Юлия РАХАЕВА

Мальчик родился любознательным...



АНДРЕЙ КОЛЯГА

...и вот к чему это привело

Известия - 2003 - 12 марта - с. 11.

СПРАВКА «ИЗВЕСТИЙ»

Игорь Всеволодович Можейко родился 18 октября 1934 года в Москве. В 1957 году окончил МГПИИЯ им. Мориса Тореза. Работал в Бирме. В 1962 году окончил аспирантуру Института востоковедения АН СССР. С 1963 года по настоящий день является сотрудником этого института. В 1965 году защитил кандидатскую диссертацию по теме «Паганское государство (XI–XIII века)», в 1981-м — докторскую, «Буддийская сангха и государство в Бирме».

Первое фантастическое произведение — «Долг гостеприимства» — было опубликовано в 1965 году как «перевод бирманского прозаика Мауна Сейн Джи». В том же году появилась подборка рассказов «Девочка, с которой ничего не случится». В 1972 году вышел сборник «Чудеса в Гусляре», а в 1974-м — «Девочка с Земли».

Лауреат Государственной премии СССР 1982 года за сценарии художественного фильма «Через тернии к звездам» (1980) и мультфильма «Тайна третьей планеты» (1981). Лауреат премии «Аэлита-97».

БЛИЦОПРОС

— С какой мыслью вы просыпались в юности, с какой — сейчас?

— Тогда — что не выспался. Сейчас — что на день осталось меньше жить.

— Что готовы простить скорее: отсутствие ума или чувства юмора?

— И то, и другое. Человек не виноват.

— Что цените в женщинах?

— Ум и красоту.

— В мужчинах?

— Ум.

— Ваше любимое время года?

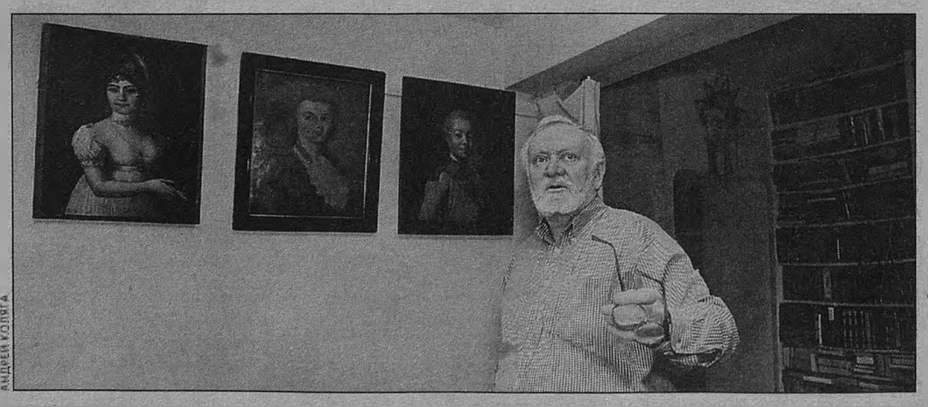
— Осень.

— Если случается досуг, то вы...

— ...сажусь работать.

— Какие три книги вы взяли бы с собой в звездолет?

— Наверное, воспоминания Константина Паустовского. Могу читать их в любое время и с любой страницы. Как раз трехтомник.



АНДРЕЙ КОЛЯГА

АНДРЕЙ КОЛЯГА

Идентификация: 1. Каролина Шведтовска, жена белостокского старосты (1803 г.). 2. Племянница генералиссимуса Суворова (предположительно). 3. Император Павел I. 4 Игорь Можейко (Кир Булычев)